

Макс Нужный

Человек инициативы

Памяти Николая Александровича Тарасова посвящается

Подвижный, веселый и пылкий юноша, Коля Тарасов в конце позапрошлого века окончил коммерческое училище.

Энергия клокотала в нем, искала выхода. Несмотря на раннюю молодость, у него уже было критическое отношение к себе, людям и к делу. Он не хотел идти трафаретными путями.

Услышав, что в фальц-фейновской Аскании-Нове открылись курсы для практического изучения сельскохозяйственных наук, молодой человек поступает туда и позже получает должность помощника управляющего имением. Это не помешало ему заняться научной работой, результатом которой были сочинения по овцеводству. Однако полученная должность не удовлетворяла. Николай Александрович становится на некоторое время представителем фирмы сельскохозяйственных машин на юге России, затем ищет счастья в Русском обществе пароходства и торговли и вскоре заинтересовывается устройством и оборудованием 2-й Одесской городской больницы.

За короткий срок перепробовал свои силы в разных областях, казался непоседой, но зато в каждое дело внес что-то свое, оригинальное.

Одесский филантроп граф Михаил Михайлович Толстой-младший искал себе секретаря. Он умел ценить хотя и не знатных, но способных людей. Николай Александрович Тарасов становится сотрудником графа, но судьба судила ему стать не секретарем, а ближайшим помощником в организации нового, еще очень мало знакомого в России дела – одесской станции скорой медицинской помощи.

Напрасно мы стали бы искать в начале XX века «Скорую помощь» даже в Петербурге или Москве. Первые опыты в этой области проведены были по примеру немногочисленных заграничных станций на Юге и, в частности, в нашей Одессе.

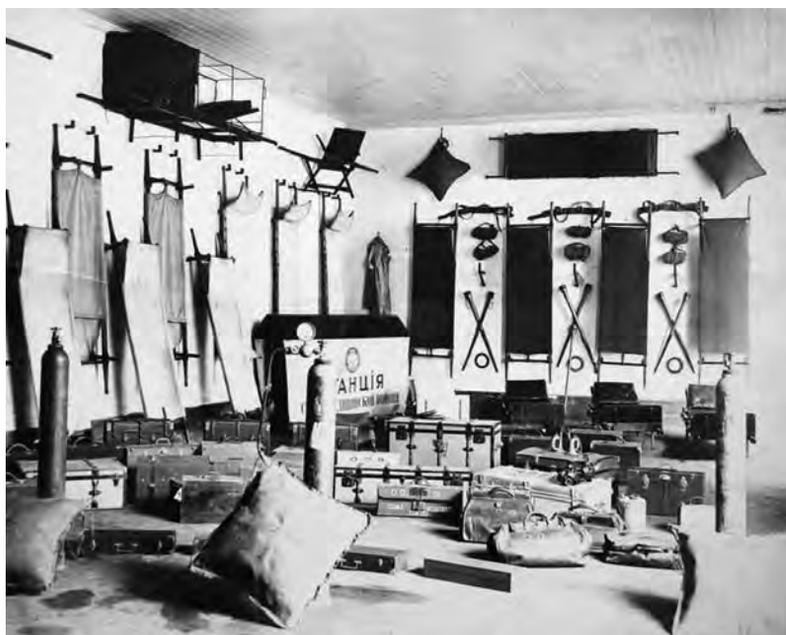
Казалось бы, ведь и прежде были трагические случаи увечий, самоубийств, отравлений, травм от поножовщины, однако только в наше время додумались до такой необходимой организации, как «Скорая помощь».

Раньше пострадавшие истекали кровью и погибали – или же при счастливых условиях находили частную платную врачебную помощь, которая была далеко не всем доступна.

Граф М.М. Толстой-младший, бывая за границей, знал о «Скорой помощи» в Вене и мог заинтересоваться первыми опытами в Варшаве. Со свойственной ему разумной отзывчивостью он почти немедленно решает основать подобную станцию в Одессе.

Но нужен был человек, который так же загорелся бы этой идеей, который отдал бы всего себя делу, почти забыв о своей личной жизни, обладал бы неистощимой инициативой. Именно таким человеком оказался Николай Александрович Тарасов.

Без преувеличения можно сказать, что большинство документов, находившихся ранее на Одесской станции скорой помощи, свидетельствует о редкой инициативе Николая Александровича. Кропотливо изо дня в день и теоретически, и практически он знакомится с условиями работы, перерабатывает заграничный опыт, продумывает ряд нововведений, деталей, создает инструкции для всего персонала станции и лично принимает участие в выездах.

Заботливо и тщательно обдумывавший каждый шаг

работы «Скорой помощи», в моменты неотложные он преобразался. Лаконично, строго, категорично отдавал приказания, которым подчинялись все. Не будучи врачом, но отлично зная практическую медицинскую деятельность благодаря неустанному самообразованию, он отправляется на место происшествия и без колебания подает личный пример бесстрашия и находчивости.

Так, например, однажды произошел взрыв парохода в порту. Разгорался пожар, угрожавший соседним судам. Часть команды осталась на борту: искалеченные, обожженные люди погибали. Николай Александрович Тарасов, получив по телефону уведомление, мчится в порт, по канату взбирается на пылающий пароход, оказывает со своими сотрудниками нужную помощь, извлекает больных, переваливает с крайней опасностью через раскалившийся борт и по канату спускается на землю.

Такие эпизоды, полные героической романтики, в его биографии были не единичны, но, скромный и даже застенчивый, он не любил себя афишировать.

После непоседливости и неудовлетворенности в ранней молодости наступило время прочной привязанности к такому делу, которое его вполне удовлетворяло.

Непрерывная работа с 1902 по 1941 год связала Николая Александровича со станцией неразрывными узами. Его преданная деятельность не могла остаться незамеченной.

В 1918 году граф Толстой, передавая станцию городскому самоуправлению и эмигрируя за границу, пишет своему неизменному помощнику трогательное письмо, где благодарит его за громадные труды.

Граф понимал, что его начинание без Н.А. Тарасова не приобрело бы такого размаха и того значения, какие уже тогда были отчетливо видны. Это подтверждали видные медицинские деятели того времени в своих отзывах.

Советский режим воспользовался станцией «Скорой помощи», оставил Н.А. Тарасова в качестве инспектора станции, пользовался его колоссальной работой, но платил ему мизерно – 69 руб. в месяц. И только в последние годы довел оплату труда до 300 руб. в месяц.

Николай Александрович по своей инициативе оборудовал при станции рентгеновский кабинет. Затем в годы войны 1914-1918 гг. устроил небольшой, но превосходный лазарет, еще позже перевел работу станции с конной тяги на автомобильную, при этом совершенно оригинально оборудовал автомобили, снабдив их буквально всем необходимым и добавляя все новые детали по мере развития медицинской техники, за которым он зорко следил.

А энергия, инициатива, жажда творческой деятельности не угасали в этом человеке, он искал все новые пути приложения своих сил. Одной из таких новых областей было создание музея при станции «Скорой помощи». Почти без посторонней помощи изо дня в день, из года в год Николай Александрович в свободные минуты собирает, классифицирует, аннотирует сложнейший обширный материал.

Когда музей был открыт, и специалисты, и не специалисты были поражены тем, что получилось из этой, казалось бы, скучной затеи. В большом зале были собран и систематизированы такой материал, что известный психиатр профессор Бехтерев,

осмотрев музей, воскликнул: «По концентрации, обилию и разнообразию материалов музей не имеет себе равного в европейском масштабе!».

И хотя большевики с недоверием смотрели на Н.А. Тарасова, ибо их коробила прежняя близость его к графу Толстому, тем не менее в 1928 году одесский музей был преобразован во Всеукраинский музей скорой помощи, и для изучения его ценнейших материалов из центров стали съезжаться виднейшие медицинские деятели, дававшие отличные письменные отзывы.

В последние годы своей жизни Николай Тарасов исполнял обязанности заведующего музеем и целиком посвятил себя этой научной работе. Обширные фонды музея охватывают и организационно-технические стороны работы «Скорой помощи», и социально-бытовые: причины несчастных случаев и коллекции патологоанатомических препаратов. Достаточно сказать, что в фондах музея собрано до 10.000 регистрационных карточек, всесторонне освещающих каждое самоубийство, попавшее в поле зрения станции «Скорой помощи»; кроме того, имелся материал, отражавший 500.000 несчастных случаев, на которые отозвалась одесская станция.

Этот музей в целом – удивительный и редкий пример того, как, в сущности, один человек на протяжении своей жизни мог проделать колоссальную созидательную работу. Он последовательно становился и химиком, и бактериологом, и «скорым» врачом, и рентгенологом, и социологом, и не было границ стремления к знанию у этой неутомимой природы.

Однако бывали и у Николая Александровича минутки отдыха. Как он их использовал? Его привлекали серьезные опыты в области цветной фотографии. Однажды на чердаке он устроил превосходную голубятню по всем правилам птицеводства и в короткий срок добился того, что принимал участие во всероссийской выставке. Когда же выяснилось, что голуби – неудобные сожители «Скорой помощи», Николай Александрович, ликвидировав голубятню, с чердака перебрался в подвал, и там вскоре послышались писк и возня кроликов и морских свинок. Опыт не увенчался успехом, так как было обнаружено, что между этими животными идет самая лютая война, и свинки начали поедать кроликов.

Утомленный ежедневным непрерывным трудом, Николай Александрович иногда

развлекался, слушая музыку, а на его ночном столике всегда можно было найти литературную новинку. В самые последние годы Николай Александрович тяжело болел, пережил ампутацию ноги. Для него, подвижного и энергичного, это была трагедия, но, преодолев ее, он продолжал созидание музея.

Музей был открыт для широкой публики, надо было давать объяснения – и тут открылась новая грань таланта Николая Александровича Тарасова: он стал блестящим лектором, образно и увлекательно давая пояснения посетителям.

В дни осады Одессы в 1941 году Николай Александрович заболел тяжелой формой дизентерии и, не дождавшись освобождения города, умер в возрасте 73 лет, не имея, в сущности, равных себе преемников в том деле, которому посвятил почти сорок лет своей жизни.

